

К 1150-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО: РОССИЙСКАЯ (РУССКАЯ) ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ (ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ)

2012 год – год 1150-летия зарождения российской государственности. В целях консолидации российского общества Указом Президента Российской Федерации от 3 марта 2011 года № 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» определена программа основных мероприятий по подготовке и проведению данного государственного юбилея, среди которых отмечается необходимость дальнейшего проведения научных исследований по различным вопросам государственно-правового развития России. В данной статье автор, на основе предшествующих научных исследований, предпринял попытку выделить ряд ключевых тем (проблем) в оценке генезиса и становления русской (российской) цивилизации как основы развития отечественной государственности.

Ключевые слова: *российская государственность, русская (российская) цивилизация, государственно-правовое развитие, менталитет, цивилизационный подход.*

N.I. Dorokhov

ON RUSSIAN STATE 1150 FORMATION ANNIVERSARY: RUSSIAN CIVILIZATION AS A BASIS FOR RUSSIA STATE-LEGAL DEVELOPMENT (ISSUES)

2012 is the year of the 1150th Russian statehood origin anniversary. In order to consolidate Russian society by RF Presidential Decree of March 3, 2011 № 267 “On celebrating the 1150th Russian statehood origin anniversary” the program of the main activities on preparation and holding this state anniversary, including the need for further research on various state-legal Russia development issues is defined. In this article, the author, on the base of the previous research, makes an attempt to identify a number of key themes (problems) in the evaluation of the genesis and formation of the Russian civilization as the basis for the national statehood development.

Keywords: *Russian statehood, Russian civilization, the state-legal development, the mentality, the civilizational approach.*

Проблема генезиса и становления русской цивилизации

Исследование проблемы русской цивилизации пополнилось сегодня принципиально новыми подходами и ценностными ориентациями [1]. Научный интерес представляет обоснование генезиса и первичного становления русской цивилизации, ее этнические, материальные, духовные и другие источники. Ставшие привычными и даже традиционными утверждения о начале русской цивилизации с Киевской Руси IX–X веков по мере накопления новых фактов и свиде-

тельств все более становятся необсужденными. Требуют кардинального пересмотра и положения о том, что время IX–XII веков представляет для нашего Отечества «древний период».

Так, в 1995 г. издательство «Просвещение» опубликовало хрестоматию первых письменных источников на Руси для общеобразовательных учреждений, обозначив ее древнерусской литературой. Хрестоматия охватывает период от XI до XVII века. Все эти века, по замыслу издатель, и есть Древняя Русь [2]. Подобные «вольности» вряд ли позволительны в официальных изданиях. Уже в сознании школьников они формируют ошибочные знания о нашей истории и культуре. Данный пример, к сожалению, не является единственным. Термин «Древняя Русь» как

¹ Кандидат исторических наук, профессор НОУ ВПО «Российский новый университет».

синоним термина «Киевская Русь» используется очень широко, их тождество стало как бы привычным, аксиоматичным, что на деле совсем не так. Наше общество и наука подошли к такому этапу своего развития, чтобы более внимательно и ревностно осмыслить свою историю, существенно уточнить цивилизационные и культурологические характеристики пройденного пути.

В настоящее время существуют социально-политические условия и духовные основы для более объективного и точного анализа процесса становления и развития русской цивилизации, ее перерастания в российскую цивилизацию при сохранении локальности. Собран значительный новый фактический и научно аргументированный материал для того, чтобы это переосмысление было адекватным действительной отечественной истории и культуре. Многие конъюнктурные выводы, индивидуально-авторские позиции и точки зрения, представленные в качестве основных и официальных, требуют существенного уточнения и переоценки.

Конечно, всякие оценки субъективны по своим носителям, по человеческому фактору. Но если они основаны на научных фактах и объективной информации, они приобретают истинное содержание. Сейчас уже никак нельзя согласиться с тем, что IX–XVII века, или даже IX–XI века в отечественной истории связаны с Древней Русью. Эта позиция противоречит целой системе новых знаний. Она не только имеет налет обывательских, нестрогих оценок, но может выражать некоторый идеологически-политический интерес. Он связан и с современными попытками представить историческое развитие русской цивилизации несамостоятельным процессом, а Россию и в современную эпоху – невежественным обществом с не очень культурными народами.

В последние годы появились источники, в которых существенно уточняются хронологические рамки и характеристики русской цивилизации [3–7].

В них обстоятельно, с привлечением новых фактов и идей рассматривается отечественная история, история возникновения, становления и развития русской цивилизации. Следует отметить, что многие факты и характеристики русской цивилизации были известны и раньше, но по разным причинам они не включались в научные исследования.

Особого внимания заслуживают периоды возникновения, а также становления русской цивилизации, приобретения ею существенных признаков и показателей. Объективно представленные и научно аргументированные периоды генезиса и становления русской цивилизации

составляют каркас, базисное положение обновления концепции русской и российской цивилизации. При всей многогранности определений понятия «цивилизация» значение имеет, прежде всего, социально-этнический подход. В объяснении русской цивилизации он сегодня приобретает глобальное значение. Подход поддерживается и разрабатывается философами, социологами, этнографами, археологами, политологами, филологами, представителями многих других наук. В рамках данного подхода интегрируются исторический, цивилизационный, культурологический, социологический, функционально-философский и другие аспекты комплексного исследования цивилизаций.

Цивилизацию с точки зрения социально-этнического подхода можно определить как исторически длительно и локально существующую этническую или политическую общность, которая имеет свою историю, существенные структурно-функциональные и содержательные признаки, закономерности становления и развития, обладает культурой и ярко выраженными этапами ее совершенствования. Определение рабочее, но оно уже дает основание рассматривать цивилизацию и культуру как целое и часть. Для того чтобы анализ генезиса и становления русской цивилизации не становился аморфным, важно абстрагироваться от многих других определений цивилизации и культуры, их соотношения.

В настоящее время утверждается точка зрения, согласно которой **русская цивилизация** впервые заявила о себе во втором тысячелетии до нашей эры. Она прошла четыре основных этапа исторического становления и развития.

1. Зарождение – со II тысячелетия до н.э. до середины I тысячелетия н.э.

2. Становление – с середины I тысячелетия до второй половины XIV в.

3. Расцвет – со второй половины XIV в. до последней трети XVII в.

4. Упадок (разрушение) – с последней трети XVII в. до наших дней [3, с. 351].

Культура Руси и России как ведущая характеристика русской, а затем российской цивилизации имеет прежде всего славянские, а затем античные (древнегреческие) корни. В последующем в нее интегрировались, существуя локально, культуры других народов, живших на территориях, которые занимает современная Россия.

Славяне являются самой многочисленной ветвью народов индоевропейской группы. Известны многие архаические (действительно древние) славянские культуры IV–I тысячелетий до н.э.: трипольская, культура ямочно-

гребенчатой керамики, культура полей погребений, ямная культура, белогрудовская, чернолеская и другие. Изучены зарубинецкая, черняховская, многие другие культуры восточных славян I–VI веков уже новой эры. Эти культуры выступили базисом зарождения русской цивилизации на первом этапе. Полученные факты свидетельствуют о том, что русская цивилизация зарождалась не столько от одного рода или племени, которые называли себя русами, или их так называли другие, сколько как своеобразная интеграция совокупности восточнославянских племен и их культур на основе общих основ материальной и духовной жизни, этнических и бытовых признаков, одного языка.

Последнее великое переселение народов в V–VII веках новой эры составило важное социоприродное условие новых группировок родоплеменных общин восточных славян, положивших начало второму этапу – становлению русской цивилизации. Появляется и распространяется социально-этнический термин «Русь». Наиболее заметной стала Русь с центром в г. Киеве. Но русские в формальном и объективно-содержательном значении термина составляли и Новгородское, и Псковское, и другие более мелкие княжества восточных славян. Характерно, что Киевское государство как Русь возникло на основе объединения, а точнее подчинения Киеву ряда родственных в социоэтническом отношении племен, проживавших на «русских землях». Город Киев был основан в VI–VII веках н.э. как центр племени полян. На других близких территориях проживали древляне, дреговичи, кривичи, северяне и иные восточнославянские племена, на которые также был распространен термин «русские», хотя существовало и конкретное племя с таким названием.

Можно подчеркнуть, что понятия «русский», «Русь» явились результатом объективного процесса консолидации восточнославянских народов и их культур в одну новую общность; итогом восхождения самосознания на новый уровень; стихийного, осознаваемого или интуитивного стремления к общему самоназванию, вербальной идентификации новой утверждающейся полиэтнической цивилизации близких по культурам племен. Характерно высказывание одного из известных специалистов по отечественной истории академика Б.А. Рыбакова. В одном из последних интервью он отметил, что термин «Киевская Русь» придумали историки.

Отвечая на вопрос журналиста, с чего началась Русь, Б.А. Рыбаков сказал, что этой проблеме он посвятил всю свою жизнь: «Когда в школах преподаватели истории рассказывают детям

о том, что это понятие изобретено кабинетными учеными» [8]. Слова «Русь», «росы» – понятия очень древние, отметил академик. Они, по всей вероятности, происходят от названия реки Рось, впадавшей в Днепр южнее Киева [там же]. К сказанному Б.А. Рыбаковым следует добавить, что существует также легенда о Русе, брате Леха и Чеха, как прародителях восточных славян. Но это уже из сферы религиозно-мифологического генезиса русских и Руси.

Сегодня р. Рось уже не существует. Возможно, это была не очень большая речка с ограниченным бассейном, в пределах которого в ходе переселения народов или передвижения, не связанного с переселением, осело и существовало конкретное племя. Наряду с имеющимся названием оно выбрало для себя новое самоназвание по местности и реке, а может быть, и по почитаемому богу-человеку Русу. Но поскольку восточнославянские племена были сходны по своим этнокультурным признакам, название «росы», или «руссы», или «рысичи», или «рысиюничи» по неизвестным пока причинам было использовано в процессе объединения племен в союз, а в последующем – уже более осознанно – в ходе образования первой формы государственности в г. Киеве.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что восточнославянская цивилизация уже существовала до появления терминов «руссы», «росы», «рысичи», «русичи», «Рось», «Русь». Ее носителями выступали все восточнославянские племена, имевшие общие признаки этнической культуры, устойчивости, длительную историю, этапы существования. Это были земледельческие и животноводческие племена, занимавшиеся также охотой и рыболовством. И только в середине первого тысячелетия новой эры данная цивилизация приобрела имя «русская». Такое заключение является очень важным. Оно связывает генезис русской цивилизации не с названием и происхождением, а с существенными признаками новой цивилизации.

Можно остановиться на трех важных признаках русской цивилизации, которые имели место на этапах генезиса и становления: характер власти, особенности язычества и письменности.

На протяжении многих веков или тысячелетий в родоплеменных общинах восточных славян власть принадлежала духовным вождям: кудесникам, волхвам, предсказателям, пророкам и т.п. Обрядовая, ритуальная, связанная с религиозными верованиями, власть получила позднее название сакральной власти. Сакральная власть была характерной для многих цивилизаций и культур [10–12]. Она была главной формой вла-

ствования на этапе генезиса русской цивилизации примерно от второго тысячелетия до н.э. по VI–IX века н.э.

С образованием первой формы государственности в Киевском княжестве период становления русской цивилизации знаменуется острой борьбой между сакральной и светско-дружинной властью. Последняя не отрицала религиозно-пророческой власти, но подчинила ее себе. Это был существенный прорыв властвования и свидетельствование подъема русской цивилизации на качественный уровень. Власть князя и его дружины оказалась более сильной и динамичной, маневренной и гибкой. Десакрализация власти сопровождалась сменой важных вех восточнославянской (русской) культуры.

На место символа волхвов и кудесников – змея (змия) – пришел новый символ – воин на коне с копьем (мечом). Династия славяно-рюриковичей и представляла новую власть – княжеско-дружинную. Как не вспомнить отражение былого величия и сильной власти кудесников по стихам А.С. Пушкина:

Волхвы не боятся небесных владык,

А княжеский дар им не нужен... [13, с. 74]

Небесных владык волхвы и кудесники не боялись потому, что они были «ближе» к богам, чем все другие члены общины, знали, как с ними взаимодействовать. Княжеский дар волхвам как носителям особого знания и реальным властителям племени был не нужен.

Длительный процесс генезиса и становления русской цивилизации привел к смене светско-государственной власти. Этот переход нашел отражение и в указанном сочинении А.С. Пушкина, и в гербе г. Москвы, и в скульптурной композиции Э. Фальконе «Медный всадник», и в других памятниках культуры. Период генезиса русской цивилизации с переходом к становлению заканчивается зарождением политики и светской государственной власти при опоре на новую религию. Восточнославянское язычество сменяется монотеизмом христианства. Характерно, что православное христианство на Руси и в России уже никогда не претендовало, за редким исключением, на верховную власть в обществе и государстве. Но смена сакральной языческой власти светско-дружинным государственным управлением явилась существенным признаком перехода русской цивилизации от генезиса к становлению.

Язычество у восточных славян было тесно связано с мифологией, племенной властью, особым духовно-культурным содержанием жизни. Наиболее полно смысл и значение язычества для русской цивилизации получили отражение

в «Велесовой книге» – первом полном литературном переводе на современный русский язык священных текстов новгородских волхвов первой половины IX в. «Велесова книга» содержит сведения об истории и верованиях многих европейских и азиатских народов от завершения II тысячелетия до н.э. по IX в. н.э.

Книга позволяет отметить определяющую власть волхвов («духовников») в восточнославянском обществе до IX века, их степень «учености», способность фиксировать и объяснять главные события. Можно сказать, что политеизм племен русской цивилизации был не менее богатым, чем язычество античности или древних восточных обществ [6, с. 7–15]. Выделялись главные боги, например Триглав (Троица), или Тримурити. Причем в Новгороде Триглав включал Сварога, Перуна и Святовита, а в других местах – иных богов. Существовала строгая иерархия богов, за соблюдением которой следили волхвы.

Намечались первые размышления философского уровня. Так, термины «навь» и «явь», сохранившиеся и в современном разговорном русском языке, отражали темные и светлые силы, а также загробный «тот свет» и реальный «белый свет». Понятие «правь» использовалось как всеобщий закон, установленный Даждьбогом. Согласно ему справедливо существует весь мир.

Изучение «Велесовой книги» позволяет воссоздать в основных элементах и признаках духовный мир славян на стадии зарождения русской цивилизации. Ее полиэтничный, многоплеменной состав складывался через союзы племен и предгосударственные социально-территориальные (княжеские) объединения. Главное содержание материальной культуры составляли земледелие, скотоводство и собирательство. Духовная культура основывалась на мифологии и язычестве, прорицаниях и предсказаниях. Восточнославянское язычество выступало и своеобразной идеологией зарождения самостоятельной цивилизации.

Наиболее неожиданной и дискуссионной с генезисом проблемой, связанной с генезисом русской цивилизации, оказалась письменность. Принято, что письменность на земле зародилась на рубеже IV–III тысячелетий до н.э. в Месопотамии. Известны также факты о том, что письменность у восточных славян возникла не только в результате подвижнической христианско-просветительской деятельности Кирилла и Мефодия во второй половине IX века. Начала письменности на Руси имели место и раньше: «черты и резы», рисуночное письмо и другие формы. Но они не поднимались до уровня официально-

общественного, тем более государственного. Опубликование «Велесовой книги», написанной на основе особой азбуки – велесовицы, дает фактическую основу считать, что восточные славяне или их часть имели развитую письменность уже в начале IX века.

Имеются и совсем новые данные. В 1961 г., во время археологических раскопок на территории Румынии, около поселка Тэртерия, была найдена небольшая глиняная табличка с надписями. Исследования показали, что ее возраст – около 7 тысяч лет. Она примерно на 1,5 тысячи лет старше всех известных сегодня свидетельств письменности. Текст оказался праславянским [4, с. 12–13].

Перевод текста на русский язык занял несколько десятилетий. Отечественный ученый-дешифровщик Г.С. Гриневиц все-таки прочитал текст. Он гласит: «Дети примут грехи ваши, держитесь детей своих» [14]. Но неожиданным оказалось то, что на основе методики дешифровки «тэртерийской таблички» и ее текста удалось «прочитать» письменность этрусков, харрапские тексты, фетский диск XVII в. до н.э. на о. Крит, другие письменные памятники прошлого.

Исследования «тэртерийской таблички» дают веские основания считать славянскую письменность первой письменностью на планете. Ее изобретатели обладали достаточно высокой духовной культурой, стали основателями ряда цивилизаций Евразии. Русский язык, как и греческий с латинским, имеют один более древний корень – праславянскую письменность. Кирилл и Мефодий вернули, восстановили для русской цивилизации утраченный ею, по неизвестным пока причинам, родной язык. Подобное происходило и с древними греками, с другими народами. Какое племя восточных или вообще славян стало основателем первой на планете письменности, вряд ли можно будет установить. Но она является существенным культурологическим признаком славянства, из которого выросла русская цивилизация.

Таким образом, краткий анализ власти, языка и письменности как устойчивых признаков этнокультурной общности восточных славян позволяет заключить, что со второго тысячелетия до н.э. она зарождается как цивилизация. На стадии становления – с середины первого тысячелетия н.э. – она приобретает само название: русская цивилизация (социоэтническая общность), которое закрепляется и становится общепризнанным понятием к XIV веку. Важно добавить, что термина «цивилизация» не существовало в науке до XVIII века. Но реальные цивилизации имели место. Русская цивилизация возникла и

развивалась как русский народ от родовых и племенных общин восточных славян к народности и нации, в которую интегрировались многие другие народы со своей культурой. В современной российской цивилизации самообразующая и исходная источниковая роль принадлежит русской цивилизации. Генезис и становление российской цивилизации не могут быть поняты вне русской цивилизации. Исследование истоков российской (русской) цивилизации является важной основой понимания и осмысления многовекового пути развития российского государства и права.

Природные и геополитические условия как факторы развития Российского государства

Природно-климатический, географический, геополитический факторы всегда оказывают влияние на тип развития общества, форму его государственности и хозяйствования, на характер протекания тех или иных исторических процессов. Крупнейшие дореволюционные историки, такие, как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др., давно обратили внимание на уникальное геополитическое развитие России.

Какие же специфические географические и природно-климатические особенности оказывали влияние на историю России?

Прежде всего, это равнинный характер местности, ее открытость, отсутствие естественных географических границ.

Исследователи отмечали, что такие географические условия не позволяли национальной общности быть защищенной от нашествий, набегов, вторжений, войн. И действительно, уже в первые века русской истории территория славянских племен подвергалась постоянным набегам хазар, печенегов, половцев. Тяжелые последствия имело монголо-татарское нашествие (об этом идет речь в специальной главе). Сейчас же отметим, что во время ордынских походов происходило разорение территорий, городов, разрушались городские традиции, ремесленничество, торговля. Некоторые историки считают, что монголо-татарское нашествие повлияло на тип феодальных отношений, изменение типа цивилизованного развития великорусской народности. Эти неблагоприятные геополитические условия прекрасно обрисовал В.О. Ключевский. «Наш народ, – писал он, – поставлен был судьбою у восточных ворот Европы, на страже молившихся в них кочевой, хищной Азии целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, удобряя широкие донские и волжские степи своими и ихними ко-

стями, других через дверь христианской церкви мирно вводил в европейское общество... так мы очутились в арьергарде Европы, оберегая тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагоприятна и скоро забывается».

Важной особенностью российской истории было непрерывное расширение территории страны. Оно шло различными путями. Происходило освоение новых пустынных территорий крестьянским населением. К примеру, в результате земледельческой колонизации в XII–XIII вв. были освоены плодородные земли Владимиро-Суздальского и других княжеств Северо-Восточной Руси, Замосковского края. В XVI–XVII вв. крестьянская колонизация охватила территорию украинских и южно-русских степей между Доном, верхней Окой, левыми притоками Днепра и Десны, территорию так называемого Дикого поля.

Коренной поворот в истории российской колонизации произошел в середине XVI в. После покорения Казанского и Астраханского ханств русские поселенцы устремились в сторону средней Волги, Урала и дальше – в Сибирь. По берегам сибирских рек и озера Байкал возводились городки-крепости. Несколько десятков городов были разбросаны на огромной, почти сплошь покрытой лесами территории. Вокруг городов-крепостей образовались поселки государственных крестьян, переселенных в Сибирь по царским указам. Шли в Сибирь, к берегам Тихого океана и вольные переселенцы, звероловы-промышленники. На востоке осваивались в основном пустынные, целинные земли. Туземное, кочевое население было крайне немногочисленным.

В ряде случаев территориальное расширение происходило путем добровольного присоединения к России. Изнуренная 6-летней войной с Речью Посполитой Украина встала перед выбором: снова признать польское владычество или идти «под руку» Москвы. В 1654 г. на Переяславской раде было принято решение о вхождении Украины в состав России. Добровольное присоединение Грузии на рубеже XIX в. также было не чем иным, как определенным историческим выбором в условиях порабощения более опасным, чем Россия, соседом.

Но чаще всего Россия отвоевывала у других государств захваченные ими территории: так, у Швейцарии в результате Северной войны была «отнята» Прибалтика, у Турции – ее крепости-форпосты в Северном Причерноморье и Бессарабии, у Ирана – Армения. Кавказские войны закончились подчинением северокавказских племен. В 60-е годы XIX века завершилось вхож-

дение в состав России казахских земель. После разгрома царскими войсками Кокандского ханства были присоединены Киргизские земли. Со стороны Каспийского моря в Средней Азии к России были присоединены земли туркменских племен. На их территории образовалось Туркестанское генерал-губернаторство. Более подробно об этих сюжетах – в последующих разделах.

Непрерывное территориальное расширение предопределило целый ряд исторических особенностей России.

Приращение территорий обеспечило казне и государству новые источники финансирования, увеличение материальных и людских ресурсов, дополнительную экономическую выгоду. Только присоединение Сибири дало на несколько столетий приращение огромных материальных богатств, редчайших сибирских мехов, леса, богатейших природных залежей и пр.

В течение веков экономический рост шел постоянно вширь, обеспечивался за счет количественных факторов, что способствовало закреплению экстенсивного типа развития. У русского населения не было острой необходимости переходить от традиционного хозяйствования к более эффективному, так как всегда оставалась возможность переселиться на новые места, освоить новые земли. Дефицита земель не было.

Не способствовали эффективному, выгодному хозяйствованию исключительно большие расстояния и разбросанность, труднодоступность многих населенных пунктов. С этим во многом связаны дороговизна транспорта, плохие дороги, слабое развитие торговли и связи.

Наличие больших неосвоенных земель и возможность постоянного переселения частично снимали за счет эмиграции на окраины остроту социального противостояния в обществе. Не желая мириться с закрепощением и малоземельем, наиболее самостоятельная, энергичная часть населения уходила на Дон, Волгу, Яик, на Северный Кавказ, в Сибирь.

Подсчитано, что на протяжении XVII и XVIII вв. более двух миллионов переселенцев перебрались из центральных областей на юг, в лесостепные районы. В XIX – начале XX вв. примерно 12–13 миллионов переселенцев центральных губерний перебрались на юг. В Сибирь в XVII и XVIII столетиях переселилось около 400 тысяч человек, а в XIX – начале XX вв. – 4,5–5 миллионов [15, с. 29].

На окраинах традиционно группировались оппозиционные центру элементы. Неслучайно эти регионы часто становились исходными пунктами антиправительственных выступлений, крестьянских и казацких движений.

Исследователи считают, что постоянный отток на окраины оппозиционных элементов и общая рассредоточенность населения и регионов сдерживали процесс консолидации сословий в России, а следовательно, и процесс законодательного закрепления прав и привилегий. На западе ситуация была несколько иной. Отсутствие свободных территорий и высокая плотность населения сильно обострили социальные противоречия. А это способствовало ускорению процесса складывания сословий, оформлению сословных и личных прав граждан. Таким образом, в России географический фактор в какой-то степени замедлял социально-политическое развитие.

Огромные просторы страны сформировали и некоторые специфические черты российского менталитета.

Привыкание к тому, что страна неуклонно растет, ширится, прирастает богатствами, укрепляло в русском человеке убеждение в неистощимости ресурсов, неисчерпаемости недр, отсюда рождалась уверенность, что Россия все может, все сделает, если только захочет, что русские «медленно запрягают», но быстро ездят.

Беспредельность территории и возможность постоянной миграции выработали в россиянина определенную легкость к перемене мест.

Географический фактор оказал влияние на социально-психологический облик русских. Они были и остались нацией размашистой, безоглядной, привыкшей к простору, к безграничности.

Особенности русского исторического процесса в немалой мере определялись своеобразием природно-климатических условий и связанной с этим спецификой сельскохозяйственного производства.

При большом земельном просторе на территории, составлявшей историческое ядро русского государства, было чрезвычайно мало хороших пахотных земель, преобладающим типом почв в России были почвы подзолистые, глинистые, болотистые или песчаные, скудно обеспеченные естественными питательными веществами. Сибирь же с ее потенциально неистощимым запасом пахотной земли по большей части была непригодна для земледелия. Это объяснялось тем, что производимый Гольфстримом теплый воздух, согревающий землю, по мере удаления от атлантического побережья в глубь материка не согревал земли Сибири.

Другой особенностью природно-климатических условий был необычно короткий цикл сельскохозяйственных работ. Он занимал всего 125–130 рабочих дней (примерно с апреля по сентябрь).

Русский крестьянин находился, таким об-

разом, в тяжелых производственных условиях: худородные почвы неизбежно требовали качественной, питательной обработки, а недостаточного времени на сельскохозяйственные работы природные условия не давали.

Средняя урожайность в России была низкой, а затраты крестьянского труда – исключительно высокими. Для того чтобы получить урожай, крестьянин должен был трудиться буквально без сна и отдыха. Использовались при этом все резервы семьи: дети, старики и женщины полностью были заняты на всех мужских работах. Тяжелые сельскохозяйственные условия, перенапряжение и включение в работу всех, от мала до велика, предопределили специфический уклад жизни русского землевладельца. В отличие от русского, европейскому крестьянину ни в Средние века, ни в Новое время не требовалось такого напряжения сил, ибо сезон сельскохозяйственных работ был намного дольше. Это обеспечивало более благоприятный ритм труда и весь уклад жизни европейского крестьянина.

Характерной чертой крестьянского производства в России была крайне слабая база животноводства. Заготовка кормов для скота становилась каждый год для крестьянина большой проблемой. Срок заготовки кормов в историческом центре России был крайне ограничен (всего 20–30 суток). За это время крестьянину требовалось запастись достаточным количеством сена. Ведь содержание скота в стойле в течение длинной, холодной зимы было долгим, равным примерно 200 суткам (это на два месяца больше, чем в Западной Европе).

В результате полуголодного режима кормления скот в России был низкого качества, малорослый, часто болел.

Как видим, хозяйствование русского крестьянина велось в крайне неблагоприятных погодноклиматических условиях и не было особо прибыльным.

В течение столетий земледельцу в России едва хватало своего хлеба. Однако беда русского земледелия была не в том, что оно не смогло прокормить хлебороба, а в том, что оно было не в состоянии произвести необходимых излишков продукции.

Кроме того, рост урожайности в Средние века первоначально был связан с ростом городов, с появлением достаточно многочисленного торгово-ремесленного слоя.

В России в тот период города не играли особо важной хозяйственной роли. Немногочисленные и, за исключением Москвы, немногочисленные русские города являлись по преимуществу военными и административными центрами. В таком

своим качестве они не представляли большого рынка для сбыта продовольствия.

Не стимулировала развитие земледелия и внешняя торговля. Россия стояла далеко от великих торговых путей и до середины XIX в. не могла сбывать зерно за границей.

Выше уже говорилось о такой характерной особенности истории нашей страны, как постоянный процесс завоевания и колонизации все новых и новых территорий. Двигателем этого процесса была экономическая необходимость.

В результате колонизации Россия получила черноземы. Урожайность выросла. Однако все вновь осваиваемые регионы очень часто подвергались жесточайшим засухам. Поэтому средняя многолетняя урожайность и средний многолетний объем товарной продукции были относительно скромными.

Разрыв в производительности труда между Западной Европой и Россией был в те годы значительным. По данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, в конце XIX в. один акр пшеницы в России приносил лишь одну седьмую английского урожая и менее половины французского, прусского или австрийского.

Таким образом, в силу географических, природных и климатических факторов Россия на протяжении целого ряда столетий имела относительно низкий объем совокупного прибавочного продукта. Скудность товарных излишков означала бедность общества. А это обстоятельство давало населению ограниченные возможности выбора. Как считают исследователи, именно это предопределило многие специфические особенности российского исторического процесса [16].

В условиях неблагоприятного землевладения поместье могло стать доходным лишь при даровой рабочей силе и жестких методах изъятия у крестьян излишков для потребностей развития государства и господствующего класса. Отсюда и жестокость феодальной ренты, тяжелый режим работы земледельца на барщине у помещика, и торговля крепостными, и институт холопства.

Развитие в России служилой системы как особого государственного механизма также в немалой степени было обусловлено низким уровнем производительных сил и скудностью прибавочного общественного продукта.

При такой системе за каждым сословием закреплялись определенные обязанности. Крестьянство прикреплялось к земле и несло тягловую службу, посадские люди – к городским повинностям. Дворяне, бояре, боярские дети являлись служилыми людьми «по отечеству», то есть несли военную и государеву службу, получая за

это земли и крестьян. Все служебные обязанности закреплялись наследственно.

В ряде стран, где существовали служилые системы (Чехия, Польша, Венгрия), с развитием экономики и хозяйства они уже в XIII в. постепенно исчезли. В России же служилая система действовала, трансформируясь долгие столетия.

Еще одной характерной чертой российской действительности, связанной с особенностями землевладельческого хозяйствования и постоянной угрозой разорения, было исключительно устойчивое существование общины.

Российская география не благоприятствовала единоличному земледелию. В условиях короткого сельскохозяйственного сезона полевые работы легче было вести коллективно. Это сохраняло архаичные традиции общинной организации деревенской жизни.

Распространение же крепостнической зависимости, тяжелый режим дополнительных работ на господской барщине создавали российскому крестьянину поистине невыносимые условия жизни, таили угрозу полного обнищания.

Община в этих условиях стала важным средством поддержания индивидуального крестьянского хозяйства, определенным защитным механизмом от природных и социальных невзгод.

В отличие от Европы, община в России не исчезала, а стала развиваться. Примерно с XVI в. русские крестьяне все чаще расстаются с хуторской системой расселения (она сохраняется в основном в южных районах) и концентрируют свои дворы и хозяйства в многодворные деревни и села. По мере усиления личной крепостной зависимости с конца XVI в. возрастают защитные функции соседской общины, ее демократизм и уравнивательные тенденции.

Помимо организации сева, покоса и других коллективных полевых работ община выработала целый комплекс мер для помощи обедневшим, разорившимся крестьянам. Пахотная земля разбивалась общиной на участки по качеству почвы и удаленности от деревни. Всякий двор имел право получить на каждом из таких участков одну или несколько полосок земли. При таком порядке распределения земли крестьянские хозяйства наделялись более или менее равноценной пахотной землей. Периодически по мере изменения ситуации внутри соседской общины происходили переделы как способ достижения внутриобщинной социальной справедливости.

Наряду с производственными функциями община решала целый ряд социальных проблем крестьянства (сбор податей, налогов, распределение рекрутской повинности и др.).

Несмотря на энергичное втягивание сельско-

го хозяйства со второй половины XIX в. рыночные отношения, общинные традиции сохранялись там вплоть до 1917 г.

Тысячелетнее существование в России общины, ее главенствующая роль в жизни русского населения являлись фактором, кардинально отличающим весь уклад жизни россиян от западной традиции.

Высокозатратное, трудоемкое земледелие ставило сельское население перед необходимостью включения в работу практически всей семьи. Свободных рабочих рук не было. Для России, следовательно, была характерна узость рынка наемной рабочей силы. А это замедляло процесс становления промышленного производства, роста городов.

Бедность общества предопределяла и малочисленность слоя людей, живших за счет общества, так называемых слуг общества: ученых, педагогов, художников, актеров и пр. А отсюда и поздний генезис светской культуры в России. Церковь здесь гораздо дольше, чем в Западной Европе, осуществляла культурные и идеологические функции. Неслучайно первые университеты в Европе появились в XII–XIII вв., а в России – лишь в XVIII в.

Наконец нельзя не отметить и тот факт, что крайне тяжелые условия труда российского земледельческого населения наложили отпечаток на русский национальный характер. Речь идет, прежде всего, о способности россиянина к крайнему напряжению сил, его готовности к помощи ближнему, чувства коллективизма. Немалую роль здесь играла и сила общественных традиций. В то же время, вечный дефицит времени и трудные природные условия, часто сводившие на нет все результаты труда, не выработали в русском человеке ярко выраженной привычки к тщательности и аккуратности в работе.

Таким образом, мы видим, что географический и природно-климатический факторы определяли целый ряд российских особенностей, сказались на типе хозяйствования, на политическом и социальном строе страны, ее культурном развитии, на темпах протекания важнейших общественных процессов.

Менталитет российского общества и его влияние на общественно-государственное развитие России

Историю России, как и историю любой страны мирового сообщества, можно изучать по-разному. Ее можно представить как смену социально-экономических структур, как историю культуры, историю научных воззрений и

т.д. Советская историческая школа традиционно рассматривала историю нашей Родины как историю явлений социально-экономической сферы, уделяя основное внимание развитию производительных сил и производственных отношений, войнам и революциям. В постсоветское время набирает силу тенденция изучения истории России в контексте развития мировых цивилизаций.

Но есть еще один исторический срез – это история отношений человека к окружающему его миру и к самому себе, история ментальностей. Это направление в исторической науке, получившее достаточно широкое распространение на Западе с работами нидерландского историка Йохана Хейзинги «Осень Средневековья» и французских историков школы «Анналов» Марка Блока, Люсьена Февра, а затем Фернана Броделя, Жака Ле Гоффа и других, в нашей стране стало развиваться только в настоящее время. (Следует, однако, отметить, что в 20-е годы XX века в нашей стране исследованием ментальности Средних веков занимались П.М. Бицилли, О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов. Однако труды этих ученых, по сути – предшественников французской школы «Анналов», не были востребованы отечественной исторической наукой, а само научное направление было разгромлено.) Слово «менталитет» сразу стало модным, оно звучит сегодня не только в дискуссиях ученых и речах политиков, но и в повседневном общении обывателей. Однако частота употребления понятия «менталитет» пока значительно превосходит степень его научной проработки и осмысления. В отечественных словарях и энциклопедиях его нет. Словарь иностранных слов трактует менталитет как склад ума, мировосприятие, мироощущение, психологию. Слабая категориальная проработка понятия «менталитет» приводит к его расширенному и не всегда верному употреблению, отождествлению с идеологией, национальным характером. До сих пор ученые не определились, к какой области знаний относится это понятие.

Понятие «менталитет» первыми стали использовать французские ученые – философ Морис Блондель (с 1926 г.) и психолог Анри Валлон (с 1928 г.). В историческую науку этот термин ввели чуть позже М. Блок и Л. Февр.

Французское слово *mentalité* считается непереводаемым на другие языки, поэтому спектр определений этого понятия и сегодня остается очень широким, а его содержание – расплывчатым и дискуссионным. Так, французский историк Ж. Ле Гофф полагает, что менталитет – это совокупность образов и представлений, которой руководствуются в своем поведении члены той

или иной социальной группы и в которой выражено их понимание мира в целом и собственного места в нем.

Немецкий ученый Г.В. Гетц определяет менталитет как «историю человеческих представлений», как эмоциональную, дологическую предрасположенность, бессознательные и неотреликтивные способы поведения и реакций.

Российский историк А.Я. Гуревич доказывает, что менталитет – это способ видения мира, это не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций. Это «картина мира», которая не поддается формулировке ее носителем, а представляет собой разлитые в определенной социальной среде умонастроения, неявные установки мысли и ценностные ориентации, автоматизмы и навыки сознания, текущие и вместе с тем устойчивые, которые определяют поведение больших групп людей.

Другой российский ученый, философ И.К. Пантин, трактует ментальность как «выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны», некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах.

Некоторые отечественные ученые рассматривают менталитет как глубинную субстанцию сознания и подсознания, которая проявляется в постановке и решении наиболее крупных, ментальных вопросов: добро и зло, жизнь и смерть, личность и общество, война и мир и т.д. Есть и другие определения менталитета. Только в отечественной литературе их насчитывается более двадцати.

Наиболее оптимальным эквивалентом французскому *mentalité* в русском языке является, на наш взгляд, предложенный А.Я. Гуревичем термин «картина мира». А под ментальностью он понимает наличие у людей того или иного общества общего умственного инструментария, психологической оснастки, которые дают им возможность по-своему воспринимать и осознавать мир и самих себя.

Картина мира формируется в результате мыслительно-познавательной деятельности человека. С одной стороны, она представляет собой субъективный образ объективного мира и является индивидуально-личностной, а с другой стороны, в ней отражаются наиболее типичные представления, совокупность чувств, стереотипов восприятия и осмысления реальности больших социальных групп людей.

Содержание менталитета раскрывается через знания и язык, которые усваивает и которые

ми владеет та или иная общность людей, через систему их взглядов, оценок и умонастроений, через идеалы, склонности и интересы, через социальные установки и социальные ожидания, через традиции, обычаи, стереотипы мышления и деятельности и т.д.

Мы привыкли считать, что социальное поведение людей (экономическое, политическое, религиозное, творческое, магическое и др.) определяется условиями их материальной и духовной жизни. Но эти детерминанты предопределяют поступки людей не прямо и непосредственно, а опосредованно, преломляясь в ментальности и приобретая зачастую символический смысл. В результате менталитет, формируясь под воздействием сложного комплекса антропологических, природно-климатических, хозяйственно-экономических, социально-политических, духовно-мировоззренческих и других факторов, сам начинает оказывать влияние на развитие общества, а на определенных этапах становится решающим фактором этого развития. Другими словами, идеи и представления людей начинают создавать условия их жизни.

Носителями менталитета могут быть историческая эпоха, этнос, социальная общность. Поэтому правомерно говорить о менталитете Древней Руси, Средних веков, о ментальности русского народа, казачества, крестьянства, интеллигенции, о советском менталитете и т.д.

Изучение ментальностей не является какой-то обособленной отраслью исторического знания. Некоторые российские ученые, в частности А.Я. Гуревич, считают, что вести речь о независимой истории ментальностей едва ли правомерно. Однако исследование «человеческого содержания истории», социально-психологических установок общества, коллективных представлений и верований, традиций, практических действий и моделей поведения образующих его социальных групп является одной из важных задач для гуманитарных наук. Без выявления этого слоя общественного сознания нельзя понять ни группового или индивидуального поведения людей, ни содержания и реального воздействия тех или иных идей на человеческие умы.

Изучение менталитета любой общности – задача чрезвычайной трудности. Эта задача многократно усложняется при исследовании менталитета российского общества – общества полиэтничного и многоконфессионального, последовательно объединившего на 1/6 части земной суши людей разных национальностей и самых различных верований. Чересполосица культур и цивилизаций, гигантские размеры территории страны, пространственная рассеянность населе-

ния, отрезанность сельского населения от городов, культурный раскол России и десятки других факторов влияли на формирование ментальности россиян.

Люди, населявшие территорию России в прошлом, по-своему воспринимали труд и собственность, богатство и бедность, мораль и право. Установки, определявшие их поведение, были специфичными. Но реконструировать картину мира предшествующих поколений людей непросто. Источников, позволяющих с достаточной степенью достоверности судить о создании широких масс, нет не только для ранних веков российской истории, но и для прошлого и даже нынешнего веков.

В поисках выхода из сложной ситуации одни ученые сегодня обосновывают российский менталитет на базе представления элитарных слоев населения страны, другие пытаются познать «душу» народа через описание ее черт, руководствуясь при этом не столько дошедшими до нас наблюдениями народной жизни, сколько собственными внутренними ощущениями. Но изучать народный менталитет по представлениям «людей книги», т.е. образованных слоев российского общества, некорректно: жизненные установки широких масс и элиты в России резко различались. Не приводят к успеху и попытки описания умственного и духовного строя российских народов: в лучшем случае они сводятся к характеристике черт только русской души (нередко зеркально противоположной у разных авторов) и не раскрывают ментальности других этносов.

В ментальности любого общества, любого народа получают концентрированное выражение политические, социальные, экономические, культурные и другие особенности их формирования и многовекового развития, их исторические традиции. В принципе, в полиэтничном и многоконфессиональном государстве, каким была и остается Россия, не может быть строго единого общенационального менталитета. Но какие-то особенности общественного сознания, сложившиеся за тысячелетие совместного бытия российских народов, претерпевая изменения, преломляясь в национальной ментальности, тем не менее, сохранялись, играя то положительную, то отрицательную роль в истории страны. Мы полагаем, что именно эти особенности, составляющие в совокупности наиболее типичные черты общественного сознания россиян, и следует выделять, раскрывая менталитет российского общества.

Одной из наиболее характерных особенностей менталитета российского общества являет-

ся сформировавшаяся в условиях длительного существования в стране корпоративных общин склонность россиян к коллективным формам жизнедеятельности. В общинном устройстве России не было ничего необычного. Такое было и в других странах. Объединение усилий сельского населения в рамках крестьянской общины во многом обуславливалось природно-климатическими факторами, сложностью хозяйственного освоения новых территорий в процессе экономической колонизации и др. Но с течением времени община на Руси превратилась в важный институт, стала универсальной организацией крестьянства.

Общине принадлежала организующая роль в восстановлении и хозяйственном возрождении земель после многочисленных войн и набегов соседей. Община выполняла ряд важнейших функций социальной защиты: помогала погорельцам, безлошадным и малоземельным семьям, спасала от голода в неурожайные годы, по справедливости распределяя бремя государственных податей и налогов, барщины и оброка. Подобные обстоятельства побуждали и городское (посадское) население объединяться в различные профессиональные общины: кузнецов, гончаров, плотников, купеческие сотни и др.

Особую роль в истории России сыграла крестьянская община. Контакты общинников с внешним миром были ограничены. В общине консервировался сложившийся порядок отношений, формировалась особая система ценностей, в частности – ориентация на равенство, приоритет общественного над личным, подавлялось всякое несогласие меньшинства, осуждалось все непохожее, отличное, оригинальное, личность поглощалась «миром». В результате многовекового существования общины в стране сложилась своеобразная общинная психология, приверженность основной массы населения коллективным формам жизнедеятельности, разрушить которые не удалось ни Петру I, ни П.А. Столыпину, ни современным поборникам фермеризации России. Эта же общинная психология безотказно работала при проведении коллективизации сельского хозяйства в СССР. А склонность россиян к «вечевым» формам, прямой общинной демократии воплотилась в системе Советов, превратившихся в инструмент одобрения принятых партийными органами решений.

Огромное влияние на формирование менталитета народов России оказало православие. Духовный выбор восточнославянских народов в пользу христианства был сделан «сверху», в условиях укорененности языческих верований. Это привело к феномену скрытого и явного двое-

верия в ментальности народа. Для язычников не существовало понятие судьбы как волеизъявления бога. Их боги могли помогать людям, но не принуждать их. Человек сохранял самостоятельность в выборе своего пути.

Христианство, введенное на Руси в византийском, православном варианте, наряду с обожествлением царской власти сосредоточивало все устремления верующих на духовном самосовершенствовании, на достижении каких-то высших идеалов и ценностей, отодвигало хлопоты и проблемы повседневной жизни на второй план, рассматривая все ее противоречия как временные трудности на пути достижения высшей цели. Православие способствовало формированию в ментальности народа таких черт, как устремленность в будущее при отсутствии надлежащей заботы о дне сегодняшнем, интравертность, т.е. углубленность в свое, внутреннее, представление об одновариантности развития, мифологизированность и иерархичность мироприятия.

Христианство стало основой и такого компонента российской ментальности, как соборность. До принятия христианства взаимодействие и единение людей в общинном социуме было основано на необходимости сплочения перед силами природы и стремлении противостоять противникам. По мере утверждения христианства, приобщаясь к религиозным обрядам, таинствам, верующий осознавал, что только вместе с церковью он может обрести спасение. Соборность как принцип бытия на коллективной, общественной основе получила проявление и в советской ментальности (субботники, ударные стройки, негативное отношение к фермерам, кооператорам и т.д.).

После захвата Византии турками центр православия переместился в Москву. В XV веке идеологи русского православия выдвинули знаменитую теорию о Москве как Третьем Риме, в которой Россия рассматривалась как спаситель подлинного христианского благочестия, как государство богоизбранного народа. Лучшие умы России и в XIX – начале XX вв. писали о русском народе как о народе-богоносце. На уровне общественной психологии эти традиции мессианизма дожили до наших дней, и лозунги: «СССР – оплот мира!», «Слава великому советскому народу!» и т.п. основной массой населения страны воспринимались вполне естественно.

Выясняя влияние религии на ментальность русского общества, следует учитывать, что православие в России было (и сейчас, по сути, становится) государственной религией. Но взаимодействие населения страны с церковью было

не столь простым и однозначным, как это пытаются сегодня представить. В крестьянской среде основные истины христианства нередко перетолковывались. Церковь все больше и больше воспринималась крестьянами как обязательный, но формальный элемент крестьянской цивилизации. Бытует представление о глубокой религиозности русского крестьянства. Однако факты свидетельствуют, что после февраля 1917 г., когда была отменена обязанность причащения для православных военнослужащих русской армии, количество соблюдавших это таинство сократилось со 100% до 7–10%.

Далеко не простым и безоблачным был также диалог православия со староверами, католиками, мусульманами, буддистами, язычниками Севера, Урала и Сибири, который также отразился на ментальности русского общества. В крестьянском мире, к примеру, осуждались все другие верования, но при этом осуждение уживалось с терпимым (толерантным) отношением к сторонникам других религий, исключая, пожалуй, иудаизм.

Стабильным компонентом менталитета русского общества является харизматическое отношение к власти. В формировании менталитета того или иного народа велика роль политической системы. В зависимости от ее типа человек включается в определенные общественные отношения, что накладывает соответствующий отпечаток на его мировосприятие. В российской истории особую роль играло государство, которому удалось подчинить себе все сферы общественной жизни и все общественные институты, включая церковь. Если западное общество шло по пути последовательного ограничения прав самовластных государей, постепенного утверждения парламентаризма, прав и свобод личности, то в России, напротив, функции государства постоянно расширялись, его власть возрастала.

Борьба за объединение Руси, за выживание страны перед лицом иноземных нашествий, попытки в течение трех веков решить задачи модернизации, военное противостояние «двух систем» в недавние годы объективно требовали сильной государственной власти. Для многих поколений россиян необходимость высшей власти, которой подчинено все и вся, стала прописной истиной. В то же время, нельзя сказать, что народы России не ценили своей свободы, однако тяжелые испытания, выпавшие на их долю, приучили жертвовать своими правами во имя интересов государства.

Психология осажденной крепости, обожествление авторитарной самодержавной власти сформировали в сознании народных масс хариз-

матическое отношение к государству, устойчивую монархическую традицию. Вера в доброго, «мужицкого» царя, авторитарное сознание проявляются и сегодня. Вмешательство высшей власти – царской, партийной, президентской, даже диктаторской – в любые дела все еще отвечает ментальности россиян.

Немалую роль в консервации авторитарного сознания сыграло господство в стране власти собственности. В то время как в европейских государствах развивались отношения частной собственности, складывался рынок, в России вся собственность принадлежала государству, а распоряжалась ею от имени царя или генсека вседушащая государственная бюрократия. Отсутствие значительного слоя собственников – «третьего сословия», слабая социальная дифференциация привели к установлению в российском обществе отношений подданства. Не изменилась ситуация в сознании и в советский период, и даже сегодня, несмотря на всеобщую «ваучеризацию» России.

Огромное влияние на менталитет россиян оказал произошедший в начале XVIII в. раскол российского общества на «почву» – сторонников самобытного пути развития России – и «цивилизацию», выступавшую за развитие страны по западноевропейским образцам. Одним из характерных явлений общественной жизни России начиная с петровских времен стало заимствование культурно-идеологических установок западного типа социальной жизнедеятельности. При этом «вестернизация» всегда проводилась государством, активно поддерживалась «западниками», элитными слоями российского общества, но никогда не была инициативой народного большинства. Такое положение было во многом обусловлено устойчивостью патриархально-общинной психологии, приверженностью к неизменному повторению веками сложившегося образа жизни и неприязнью к нововведениям. Даже сегодня, несмотря на беспрецедентные по масштабам и активности попытки переориентировать страну на систему западных ценностей, значительная масса населения остается приверженной историческим и является носителем прежней ментальности.

Такая устойчивость общественной психологии значительной части населения страны во многом предопределяла ту историческую инерцию, которая стала роком для России, сводя на нет усилия всех реформаторов. И напротив, многие компоненты старой российской ментальности: коллективизм, соборность, склонность к общинным формам жизнедеятельности, харизматическое отношение к государству, подчинение личных интересов общественным, правовой

нигилизм, стремление к всеобщему равенству и другие – стали благодатной почвой для формирования советского менталитета.

Формирование советского менталитета происходило в условиях становления тоталитарного государства, укрепления класса партийной номенклатуры с его монополией на воспитание и пропаганду, в условиях, когда «железный занавес» практически полностью изолировал население СССР от общемирового культурного процесса.

На складывание ментальных установок советского общества в 20-40-е гг. XX века огромное влияние оказали революционный энтузиазм и безоглядная вера в светлое будущее первого поколения революционеров, воинствующий атеизм, вытеснение старой и создание новой интеллигенции, повышение образовательного уровня населения, победа в Великой Отечественной войне. Используя наиболее типичные черты российской ментальности, правящий в СССР режим сумел в значительной степени добиться слияния общественного сознания с официальной идеологией, и массы людей стали мыслить теми категориями и понятиями, которые были заложены в них пропагандой и воспитанием. Это проявилось даже в ономастике: детям давали имена в духе новой ментальности – Вилен, Мэлс, Октябрина, Искра и т.д.

В советском обществе господствовало стремление к нивелированию личности, стиралась грань между частной (внутренней) и общественной (внешней) жизнью, человека с малых лет учили не выделяться и «не отрываться от коллектива». Славу и известность человеку могли принести только жертвы и старания во имя общего дела. Эталоном общественной жизни стало равенство в бедности.

Примерно с середины 1950-х гг. начинается новый этап в трансформации российско-советской ментальности. Революционные факторы (энтузиазм, вера в светлое социалистическое будущее и др.) начинают пробуксовывать. На фоне консервации старой политической и экономической системы в ментальности советских людей формируются приспособленные реакции к новым реалиям («пережили кукурузу, переживем и изобилие!»), широкое распространение получили анекдоты.

Войны в эволюции российской цивилизации и государственности

Опыт прошлого свидетельствует, что эволюция русской (российской) цивилизации была связана с войнами различного характера и мас-

штаба, которые оказывали на нее противоречивое воздействие. При этом войны начинались и велись как по инициативе внешних сил, особенно западных, так и самой России. Одни полагают, что Запад чаще выступал миролюбивым партнером, «проникнутым духом идеализма, либерализма и морального сопереживания», и лишь дважды воевал против России (Крымская война 1853–1856 гг. и фашистское нашествие 1941 г.). Другие, напротив, считают Запад историческим соперником России, стремящимся вытеснить и не пускать ее в Европу, развязавшим множество войн. Под Западом здесь понимается не вся система западноевропейских и североамериканских государств, а понимаются крупные страны, которые были вершителями судеб других и определяли в существенной мере глобальную обстановку.

Общее количество войн между Россией и западными государствами еще не подсчитано. По наиболее крупным войнам и вооруженным конфликтам сведения имеются по второму тысячелетию н.э. Их было 206. Большинство из них приходится на Запад, что более чем в два раза превышает их число на Востоке и Юге. В войнах со стороны Запада участвовали могущественнейшие для своего времени государства.

Статистика войн и военных конфликтов за период с X по XIX в., отмечают некоторые исследователи, показывает, что Россия в шесть раз больше сама начинала войну, чем подвергалась нападению. Говорится, что обычно наша страна сама начинала войны против других стран, воюя друг с другом, каковы характерные черты действий сторон, их отношение к мирному населению, последующим мирным соглашениям и договорам. Следует ли инициативное начало военных действий считать «развязыванием» войны, если они имеют целью возвращение ранее захваченных у Руси территорий, ликвидацию источников непрерывных военных набегов и нашествий? Например, Русь многократно начинала военные действия против Казанского, Астраханского, Крымского ханств в XVI–XVIII вв. вплоть до их полного разгрома и включения в состав России. Тем самым были ликвидированы огромные «резервуары вторжений», логова разбойных орд, свирепо терзавших русский народ на протяжении столетий.

Такое отношение правомерно и ко многим войнам Руси на западе. Например, Ливонская война 1558–1583 гг. начиналась ради возвращения русских земель, захваченных западными соседями во время монгольского нашествия. Такой же характер носила Смоленская война 1632–1634 гг., которой Россия хотела вернуть за-

хваченные в годы польской интервенции начала XVII в. смоленские и черниговско-смоленские земли, но потерпела неудачу.

Важно иметь в виду, что понятие «агрессор», применяемое сейчас к тому, кто первым начал (развязал) войну, утвердилось лишь во второй половине XX в. До этого оно имело несколько иной смысл, в котором на первом плане учитывались цели сторон (выяснение, кто выступает «военным разбойником-промысловиком» и захватчиком).

Запад в течение минувшего тысячелетия вел войны против России с целями: а) предельно решительными – захватить и подчинить себе Русь, ликвидировать ее, расчленив на мелкие и средние государства; б) ограниченными – оттеснить Русь дальше на восток, запереть для нее выходы к морям, изолировать и ослабить; в) чисто грабительские – поживиться русскими землями и богатствами, за счет России поправить свое положение, пополнить казну и поднять жизненный уровень в своих странах. В этих целях западные захватчики нередко объединялись с врагами, наседавшими на Русь с востока и юга, использовали бедственные ситуации, в которых оказывалась наша страна.

В разгар монголо-татарского нашествия шведы и тевтонские (германские) рыцари попытались прогнать Русь от Балтийского моря и с берегов Невы, отнять у нее Новгород и Псков, проникнуть как можно дальше в глубь русских пространств (1240–1242 гг.). Благодаря победам русских дружин под предводительством Александра Невского тогда было остановлено наступление на Русь с запада. Но там все время стояли враждебные силы (Литва, Польша, Швеция, балтийские, германские рыцари), готовые ринуться на восток. Во время монгольского нашествия Россия была одинокой. На западе не нашлось ни одной страны, которая оказала бы ей дружественную поддержку. Напротив, когда Дмитрий Донской в 1380 г. повел свои полки на Куликово поле, Литва вступила в сговор с Золотой Ордой о совместных действиях против Москвы и совместно с ханами разделе русских земель. Великая Куликовская победа Руси перечеркнула эти планы. В 70–80-х гг. XV в., когда Золотая Орда предприняла попытку восстановить свое господство на Руси, Ливонский орден по соглашению с монголами снова начинает военные действия на западе. В дела Московской Руси вмешиваются Польша и Литва. Освобождение от монголо-татарского владычества в 1480 г., то есть спустя почти 250 лет после его начала, было достигнуто Русью почти исключительно своими силами при враждебности Запада.

Во время первой русской Смуты (1605–1613 гг.), когда, казалось, Россия гибла из-за стихии внутренних политических и социальных страстей, началась тайная и открытая интервенция против нее со стороны Ливонии, Польши, Швеции и других западных стран. Польские войска в 1610–1611 гг. заняли Москву, много городов центра и запада страны, в том числе Смоленск. Тогда же шведские войска захватили Новгород и оккупировали Новгородскую землю. На Руси установилось польское правительство.

И только самоотверженная борьба народа во главе с Мининым и Пожарским привела к освобождению столицы, изгнанию чужеземной и восстановлению русской власти. Освобождение русских земель от польских и шведских оккупантов после этого продолжалось до 1618 г., но из-за недостаточности сил так и не была доведена до конца. По Столбовому мирному соглашению 1617 г. Швеция удержала за собой Ижорскую землю с берегами Невы и Финского залива – единственный в то время выход России к Балтийскому морю. Утрата нашей страной выхода к морю была одним из тяжелых последствий интервенции. Польша, пойдя в 1618 г. на перемирие, сохранила за собой Смоленскую землю. Интервенция Польши и Швеции произвела «великое Московское разорение», превратив в пустоши до 60% земель центра России.

«Европейская политика XVIII и XIX веков, – писал Н. Бердяев, – в значительной степени была направлена на то, чтобы не допустить Россию к Константинополю, к проливам, морям и океанам. Европа заинтересована была в том, чтобы насильственно оставить Россию в замкнутом круге, не допускать ее в мировую ширь, препятствовать мировой роли России».

Подтверждением этому служат нашествия Карла IX и Наполеона, Крымская война 1853–1855 гг., японское нападение в 1904 г.

Нечто подобное повторилось в период второй Смуты, связанной с Первой мировой войной, революциями, внутренними конфликтами и Гражданской войной (период 1914–1922 гг.). Четырнадцать западных государств предприняли интервенцию против России. Наиболее агрессивно действовали Англия, Германия, США, Франция, Польша вместе с другими реакционными силами. Интервенты стремились не только задуть революционное движение, но и расчленив Россию, отделить от нее Украину, Белоруссию, Крым, Кавказ, Дальний Восток, превратить ее в слабое «третьеразрядное» и подчиненное государство. Полный провал этих планов не образумил западных «борцов» за мировое господство.

С запада пришло гитлеровское нашествие –

самое тяжелое и жестокое для России, в котором стоял вопрос – быть или не быть Российскому государству. Но великая Победа СССР над фашизмом не отрезвила мировые антироссийские силы, сосредоточенные в основном на Западе. Они придумали новую форму борьбы – холодную войну, чтобы все-таки добиться своих целей. Произошло второе, поистине глобальное, объединение внутренних антинациональных и внешних антироссийских сил, которые к началу 1990-х гг. старались добить ее, стремясь довести дело до полного ее разрушения.

Запад никогда, не считая двух-трех случаев, не оценивал по достоинству решающего вклада России в ограждение его от многих военных евзгод, не проявлял признательности и благодарности к России за спасение от поражений. Напротив, он стремился отнять у России плоды военных побед, принизить или свести на нет их историческое значение.

Сыграв решающую роль в разгроме Наполеона, Россия была единственной среди тогдашних держав-победительниц, которая себе ничего не требовала. В отличие от Англии, Австрии, Пруссии, Россия не хотела участвовать в разделе Европы и мира. Александр I считал необходимым восстановить единство польской нации и превратить Польшу в особое конституционное государство, находящееся в личной унии с Российской империей, наподобие Финляндии. Западные страны встретили этот проект в штыки, угрожая, по существу, новой объединенной войной против России. Польша осталась разделенной еще более чем на век. За этим стояла боязнь чрезмерно «могущественной» России.

Известно, что Россия спасла западную демократию в лице Англии, США, Франции от поражения в Первой мировой войне, обеспечила им победу. Но Запад считался с Россией, пока она служила их победе, а как только нужда в таком союзнике отпала, западные государства забыли о ней. А. Керенский в 1918 г. отмечал, что как только выяснилось, что близка победа, Россия для Англии и Франции перестала существовать... С Россией считались в меру ее силы или бессилия, но никогда равноправным членом в круг народов европейской высшей цивилизации ее не включали.

Во многом похожим было отношение правящих кругов западных держав к Советской России во Второй мировой войне, особенно в завершающий период и после ее окончания, хотя наша страна была последовательно верна союзническому долгу и несла основную тяжесть борьбы с германским агрессором и его сторонниками. Когда Советский Союз, не щадя своих сил, сра-

жался во имя спасения и мировой цивилизации, на Западе делались враждебные выпады против него, велись тайные переговоры с представителями противника о сепаратном мире, начинали разрабатываться замыслы и планы будущих войн против России.

Сразу после войны была развернута глобальная массивированная пропаганда, имевшая цель изобразить СССР виновником Второй мировой войны, принизить его роль в победе над агрессорами, обвинить в стремлении военным путем «коммунизировать» весь мир, подчинить себе Запад и все государства планеты. И теперь, когда планы холодной войны осуществлены, стали более ясными цели, которые прикрывались информационно-пропагандистской демагогией.

Расчленение России считается главным достижением в холодной войне, которое следует отстаивать любым способом. Один из влиятельнейших деятелей, с которыми постоянно советуется на Западе, пишет: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее народов в единое, крепкое централизованное государство».

Конечно, было бы неправильно изображать только черными красками военно-политическое отношение Запада к России. В разные времена многие западные государства – Австрийская империя, Великобритания, Италия, Пруссия, США и другие выступали союзниками России, помогая ей в войнах. Но эта тенденция, особенно сильно проявившаяся во Второй мировой войне, действовала неустанно, часто прерывалась в своем развитии. В целом она выглядит значительно слабее традиции негативного отношения к России, особенно в военно-политической области. Разумеется, нельзя политику негативного отношения к России, выражающую, главным образом, интересы господствующих верхов Запада, приписывать европейским и американскому народам, которые были уважительны и дружелюбны к нашей стране. Прогрессивная общественность Запада многократно морально и психологически поддерживала военные действия россиян.

Одни полагают, что агрессивность западно-европейских государств против России обусловлена самой Россией, которая якобы «веками проводила имперскую захватническую политику», нередко совершала экспансионистские рывки на Запад, допускала роковые ошибки во внешней политике, выступала чуждой, таинственно-непонятной, а оттого и опасной силой, магнетически притягивала своими необъятными пространствами и богатствами.

Другие для объяснения устойчивости экспансии ряда государств Запада против России

используют цивилизационный подход. Анализируя причины «страшного давления со стороны западного мира, которое принимало болезненную форму военных ударов по России», выдающийся историк XX в. А. Тойнби считал, что это – следствие присущей всем цивилизациям экспансивности (стремление к расширению границ, пополнение рабочей силы, ассимиляции соседей), проявлявшейся наиболее сильно у западной цивилизации в силу ее исключительного хозяйственно-экономического, научно-технологического, военного, демографического динамизма.

Наряду с чисто материальными интересами среди факторов, обусловливавших экспансионизм Запада, называют стремление «цивилизовать» Россию. Это убедительно показал Л. Толстой в «Войне и мире», описывая переживания Наполеона на Поклонной горе при ожидании ключей от российской столицы: «Этот азиатский город... Москва... лежит у моих ног, играя и дрожа золотистыми куполами и крестами в лучах солнца... На древних памятниках варварства и деспотизма я напишу великие слова справедливости и милосердия... я дам им законы справедливости, я покажу им значение истинной цивилизации».

Под лозунгом «цивилизации» России сейчас осуществляется ее «вестернизация», насильственно насаждаются западная модель социально-политического устройства государства, моды, нравы, обычаи, особенно американский образ жизни.

Цивилизационный подход позволяет лучше понять действительные источники агрессивности Запада вообще, в том числе по отношению к России. Можно согласиться с утверждением А. Тойнби о том, что в военно-политических отношениях с Западом Россия как государство, испытывающее «непрерывное внешнее давление», осуществляла в основном политику «контр-экспансии». Вместе с тем, Россия, согласно взглядам А. Тойнби, выступала в таком же роде и по отношению к «вызовам на юго-восточных границах православно-христианской цивилизации».

Главным и извечным фактором мировой политики западных держав была и остается борьба за власть и влияние в ближайших регионах и на мировой арене. Западные державы, стремившиеся к лидирующей роли, видели в России самую сильную преграду на пути к мировому господству и поэтому стремились устранить ее, прибрать к своим рукам ее территории и богатства или хотя бы подчинить себе.

В основе политики борьбы за мировую

власть лежат социально-экономические детерминанты. Преобладание практических, материальных, лично-обогатительных интересов является одним из важнейших факторов многовековой завоевательной политики Запада по всем направлениям. Поскольку Россия находилась ближе всех, широким фронтом непосредственно граничила с Западом, то это облегчало осуществление военных походов.

В западноевропейских государствах «принцип священной частной собственности» абсолютизирован. Безусловное самодержавие частной собственности питало и питает ничем не ограниченное стремление к обогащению, захватам, экспансии. Причем можно говорить о действии закона: чем больше захвачено богатств, тем сильнее алчность, жажда расширения и увеличения их. Усиление власти самых богатых классов и групп исторически выражается в нарастании экспансии во всех формах. Политическое устройство и политические концепции западного общества подчинены требованиям этого закона. Это стало очевидно после развала исторической России, резкого изменения соотношения сил в мире в пользу Запада.

Литература

1. Государство, право и местное самоуправление в России : история и современность : монография / колл. авт. под ред. Дорохова Н.И. – М., 2006. – 475 с.
2. Древнерусская литература : хрестоматия / составитель О.В. Творогов. – М., 1995. – 286 с.
3. Святая Русь : энциклопедический словарь русской цивилизации. – М., 2000.
4. Сторожев, А., Сторожев, В. Россия во времени. – Кн. 1. – Сургут; Москва, 1997.
5. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002.
6. Велесова книга. – М., 1995.
7. Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия. – М., 1999.
8. Аргументы и факты. – 2002. – № 4.
9. Античная демократия в свидетельствах современников. – М., 1996.
10. Переломов, Л.С. Конфуцианство и легализм в политической истории Китая. – М., 1981.
11. Элиаде, М. Азиатская алхимия. – М., 1998.
12. Полосин, В.С. Миф, религия, государство. – М., 1999.
13. Пушкин, А.С. Песнь о вещем Олеге // Звезда пленительного счастья. Стихотворения. Поэмы. Роман в стихах. – М., 1989.
14. Гриневич, Г.С. Праславянская письменность : результаты дешифровки. – М., 1994.
15. Пайс, Р. Россия при строгом режиме. – М., 1993.
16. Милов, Л.В. Природно-климатические факторы и особенности российского исторического развития // Вопросы истории. – 1992. – № 4–5.